

УДК 418.2 + 8.08
ББК 81.07 + 83.011.7

Лхама Раднабазаровна Рабданова,
проректор по научно-методической работе,
Агинский институт повышения квалификации
работников социальной сферы
(687000, Россия, Забайкальский край,
п. Агинское, ул. Комсомольская, 13),
e-mail: Lkhama@list.ru

**Употребление явлений графической маркированности в художественном тексте
(на материале повести Г. Садулаева «Я – чеченец!»
и романа Д. Гуцко «Русскоговорящий»)**

Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с изучением языковых процессов современной прозы, в частности, употреблению приёмов графической маркированности в произведениях Дениса Гуцко и Германа Садулаева. В работе анализируются приемы графической маркированности и их результаты – композиционно-графические сдвиги. Явления графической маркированности на материале современной русской прозы анализируются в составе текста, что позволило выявить некоторые закономерности их употребления. Например, архитектурное строение повести Г. Садулаева «Я – чеченец!» является графически маркированным. Сам автор назвал свою повесть «Осколочная повесть», т. е. словно заранее предупредил читателя, что повесть будет построена из отдельных компонентов текста, имеющих собственную нумерацию. В то же время можно говорить о своеобразии индивидуального стиля Г. Садулаева. В частности, для стиля писателя характерна ритмичность повествования. Очевидно, графическая разбивка усиливает свойственную писателю ритмичность. Ритм построен на повторах. В данном случае повторами являются короткие тексты. Следствием графической маркированности в повести является невыделенная прямая речь. Прямая речь – это форма проявления субъективированного повествования. В результате модификации повествования появляется невыделенная прямая речь, которую также можно назвать формой проявления субъективации повествования. Следовательно, можно говорить о графической маркированности субъективированного повествования. Невыделенная прямая речь графически представлена в тексте по-разному: могут отсутствовать кавычки или вводящие чужую речь глаголы. В романе Д. Гуцко «Русскоговорящий» отмечаются следующие явления графической маркированности: курсив, мелкий шрифт, графические отступы и др. Автор статьи приходит к выводу, что в произведениях писателей отмечается широкое использование и взаимодействие приемов композиционно-графической маркированности. Подобные языковые изменения свидетельствуют о развитии литературного языка, о его динамичности.

Ключевые слова: языковое пространство текста, языковые процессы, графическая маркированность, композиционно-графический сдвиг.

Lkhama Radnabazarovna Rabdanova,
Vice-rector for Scientific and Methodical Work,
Aginsky Institute of Professional Development of Workers in Social Sphere
(13 Komsomolskaya St., Aginskoe, Zabaykalsky Krai, Russia, 687000)
e-mail: Lkhama@list.ru

**The Usage of the Phenomena of Graphic Markedness in the Literary Text
(based on the Novel by G. Sadulayev “I am a Chechen!”
and D. Gutsko’s Novel “Russian-Speaking”)**

The article under review is devoted to the actual problem connected with studying language processes of modern prose, in particular, the usage of techniques of graphic markedness in the works by Denis Gutsko and German Sadulayev. The work examines the techniques and its results – compositional graphics shifts. The phenomena of graphic markedness on the modern Russian prose are analyzed within the text, which allowed identifying some of the patterns of their use. For example, the architectonic structure of

the novel "I am a Chechen!" is graphically marked. The author called his story "Fragmental Story" that is in advance he warned a reader that the story would be constructed of the separate components of the text having its own numbering. At the same time, we can talk about the uniqueness and the originality of G. Sadulayev's individual style. In particular, the writer's style is characterized by a rhythmic narration. Obviously, a graphical breakdown increases the rhythm peculiar to the writer. The rhythm is constructed on repetitions. In this case, the repetitions are the short texts. Non allocated direct speech in the story is a consequence of graphic markedness. The direct speech is a form of manifestation of the subjective narration. The unselected direct speech appears as a result of modification of the narration, which can also be called a form of subjectivation of narration. Consequently, it is possible to speak about graphic markedness of the subjective narration. Not allocated direct speech is graphically presented in the text differently: there can be no quotes or verbs entering others speech. In D. Gutsko's novel "Russian-speaking" the following phenomena of graphic markedness are noted: italics, small print, graphic spaces, etc. The author comes to the conclusion that the widespread use and interaction of techniques of compositional graphic markedness are noted in the writers' works. Similar linguistic variations testify to the development of the literary language, to its dynamism.

Keywords: language space of text, language processes, graphic markedness of text, composite and graphic shift.

Современная проза характеризуется языковыми изменениями, языковыми процессами, что является следствием развития и динамического движения современной прозы. Г. Д. Ахметова называет и анализирует основные языковые процессы, происходящие в современной прозе [2, с. 240]. Одним из таких процессов является усиление роли графической маркированности, что приводит к композиционно-графическим сдвигам. Следует отметить, что явления графической маркированности анализируются нами не отдельно от текста, а в составе текста, так как в употреблении этих явлений отмечаются закономерности. В таком подходе к анализу заключаются элементы научной новизны.

М. Н. Эпштейн пишет о так называемых внезнаковых зонах, например, о графической пустоте текста (« »), которая органично входит в язык. Этот знак учёный называет внезнаковым словом [3, с. 205].

Для современной русской прозы характерно разнообразие явлений графической маркированности. Например, Г. Д. Ахметова в книге «Живой литературный текст» [1, с. 120] анализирует следующие явления: особенности шрифта (крупный, жирный, курсив, мелкий и др.); специальные значки (звездочка и др.); зачеркивание; квадратные скобки; ocasionальное употребление дефиса; полное отсутствие знаков препинания, многоточие и др. Автор отмечает, что следствием графической маркированности часто являются грамматико-графические изменения (сдвиги): невыделенная

прямая речь; контаминация форм субъективации – речевой и конструктивной; диалог-повествование.

Обратимся к повести Г. Садулаева «Я – чеченец», в которой представлены реальные истории, посвященные чеченской войне. Книга состоит из коротких фрагментов, написана от лица главного героя, автора-рассказчика: «Меня зовут Садулаев Герман Умаралиевич. Я чеченец. Я не умею бояться. <...>

Больше бандиты не звонили. Зато позвонили из ФСБ, пригласили на встречу: «Что же это Вы, Герман Умаралиевич, честным коммерсантам угрожаете?» [5, с. 26].

Первая часть книги («Одна ласточка ещё не делает весны») представляет собой монолог чеченца, в котором мать героя аллегорически сопоставляется с Родиной. Этот компонент текста построен в виде коротких фрагментов, отделенных друг от друга цифрами. Такое архитектурное строение является графически маркированным. Сам автор назвал свою повесть «Осколочная повесть», словно она составлена из осколков жизни и войны, которые графически приняли вид коротких текстов. Приведем пример:

«7»

Теперь мне не страшна смерть. Ведь смерть – это больше не разлука, смерть – это встреча с тобой, мама.

И я молю тебя о прощении. <...> Сможешь ли ты простить меня?

Смогут ли простить меня твои горы <...>.

Смогут ли простить меня твои ласточки?» [5, с. 3–4].

Размышления рассказчика связаны между собой, но их графическое разделение усиливает эмоциональное воздействие на читателя. Можно назвать этот приём «графическая разбивка текста» – по аналогии с графической разбивкой на стихи в поэтическом произведении. Для индивидуального стиля Г. Садулаева характерна ритмичность повествования. Можно предположить, что графическая разбивка усиливает свойственную писателю ритмичность. Ритмично выстроенные компоненты создают общий ритм произведения, основанный на повторах. В данном случае повторами являются короткие тексты.

Мы отмечали, что следствием графической маркированности часто являются грамматико-графические изменения (сдвиги), в частности, невыделенная прямая речь. Приведём примеры с невыделенной прямой речью: «Взглянув на массу людей, идущих по улице, она показала рукой на одного и сказала: вот, этот наверняка чеченец. Отец улыбнулся и ответил: да, это и есть мой сын» [5, с. 11]; «Руслан вышел из машины. Стал просить: ребята, не бейте водителя. Он же ничего не сделал. У нас документы есть. Мы к родственникам едем. Можете машину обыскать. И вот ещё возьмите...» [5, с. 36]; «Взрослая женщина громко сказала мне по-чеченски: не плачь, ты же мужчина! И тихо, по-русски: она ведь жива, а ты не плачь, ей от этого только хуже.

<...> спокойно я подошёл к ней, сел рядом на стул, спросил: как ты? В её глазах стояли слезы, но она успокоилась вместе со мной и сказала: хорошо, мне уже гораздо лучше» [5, с. 24].

Известно, что прямая речь является формой проявления субъективированного повествования. Модифицированная прямая речь – так называемая невыделенная прямая речь – также является формой проявления субъективации повествования. Таким образом, можно говорить о графической маркированности субъективированного повествования. В данных примерах хорошо видно, что прямая речь в тексте присутствует. Об этом свидетельствуют глаголы, вводящие прямую речь: стал просить, сказала, спросил. Графически прямая речь отделена только двоеточием. Кавычки, выделяющую прямую речь в тексте, отсутствуют.

В современной прозе встречаются и более сложные явления графической мар-

кированности невыделенной прямой речи. Прямая речь в некоторых случаях переходит в невыделенный диалог, в котором практически отсутствуют вводящие чужую речь глаголы: «Особенно женщины с детьми любили разговаривать с Дунькой. Как поживаешь, Дунька? – говорили они, – куда идёшь? Вот, гуляю со своим ребёночком, отвечала Дунька. И сразу обращала внимание на детей собеседницы: а твой мальчик-то как подрост! И видно сразу – умный!» [5, с. 13].

Графическая маркированность, которую использует Г. Садулаев, является разнообразной. Например, реплика может быть в кавычках, но двоеточие и вводящее эту реплику слово не используется: «Это началось давно, с самых первых дней войны. “Мама, я видел странный сон. Наша округа, и я иду, как обычно, тропинкой по полю, к совхозной столовой, где мы покупали свежий горячий хлеб. Но поле в воронках от бомб, от столовой и склада напротив остались одни развалины и дым, дым стелется над землей, над горами обугленных кирпичей!..”»

«Да, сынок. Всё так. Поле в воронках, столовая и склад напротив разрушены. Много домов разрушено, сынок. Много людей погибло...» [5, с. 35].

Диалог в повествовании может быть похож на классический, традиционный, то есть в нём есть вводящие слова, есть двоеточие. И внешне, графически, он похож на традиционный диалог. Но в таком диалоге нет кавычек, нет тире, то есть это тоже разновидность невыделенного диалога: «Она проснулась среди ночи, без всякой причины <...>. Марат сидел на стуле рядом с кроватью матери и смотрел на неё.

Он сказал:

Прости, что оставил тебя, мама <...>

Тётя Люся спросила:

Что, сынок, ты улетаешь в рай? <...>

Он отвел глаза и сказал:

Не всё так просто, мама... не всё так просто» [5, с. 77].

Общий ритм повествования поддерживается повтором глаголов, вводящих реплики: сказал – спросила.

В следующем эпизоде употребление многоточия графически усиливает внутреннее состояние персонажа – безумного Ибрашки, который, заботясь о детях, выходит из прикрития и под автоматную оче-

редь идёт за водой: «Ибрашка хороший... дети хотят пить... Ибрашка пойдет и принесёт воды... все скажут: «Спасибо, Ибрашка!..» Дети будут пить... Ибрашка знает, где вода... Все будут рады, все скажут: «Хороший Ибрашка!» [5, с. 36]. Характерный для индивидуального стиля Г. Садулаева ритмический повтор сочетается с графической маркированностью. Авторская точка зрения и точка зрения Ибрашки совпадают, сливаются в единую точку зрения.

Обратимся к роману Д. Гуцко «Русскоговорящий». В этом романе также много явлений графической маркированности: курсив, мелкий шрифт, графические отступы и др.

В романе поднимается проблема государственного устройства девяностых годов, когда русский человек в своей стране оказался чужим. Повествование ведется от первого лица – с точки зрения Мити. Он и является русскоговорящим, потому что родился в Грузии, говорит по-русски с грузинским акцентом и является чужим и для России, и для Грузии: «– А как ты там оказался? <...>

– Мой дед там *оказался*... Семью его рассказали, ну а его комиссар один с собой в Тбилиси забрал.

– Чёрт! Такой акцент у тебя!» [4, с. 8].

Курсивное выделение глагола «оказался» указывает на то, что действие произошло независимо от воли деда.

Приведём ещё пример курсивного выделения слова: «Показав ей, куда сложили *багаж*, они торопятся уйти.

Багаж... Нет, наверное, неподходящее слово. Многие слова меняют нынче шкуру... Да и не похожи эти стянутые верёвками, неопрятные сумки-чемоданы на багаж – кажется, уложены в них не обычные мирные вещи, а стеклянные осколки... Поглубже, туда, где место деньгам и документам, они кладут плач, страх и отчаяние» [4, с. 158]. Слово «багаж», выделенное курсивом, приобретает более глубокий смысл. Его композиционная роль в тексте подчёркивается графическим выделением. Философская основа романа определяется употреблением графического словесного ряда (термин Г. Д. Ахметовой), в данном случае – это курсив.

Курсивное выделение используется автором и в следующем примере, когда выделяются слова «до» и «после», важные для содержательной стороны повествования: «Ей около сорока, наверное. Их возраст трудно определить. У здешних женщин два возраста: *до* того, как вышла замуж, и – *после*. *До* – возможны накрашенные глаза и ткани живых тонов. *После* – чёрные платья и косынки. Униформа. У них, как у солдат, – служба» [4, с. 158].

В тексте романа встречаются композиционные отрезки, маркированные мелким шрифтом, графическим отступом слева и многоточиями: «Пожар стихает. Наверное, надыхался – знобит и будто...

...мареву. Чьё-то незнакомое лицо совсем близко, всеми своими бровями-ресницами. Кто это? Непрерывное шипение – в здании ОВД шипят огнетушители. Время от времени там что-то падает. Дым ползёт под деревьями, от дома до дома, замазывает чернильно-лунное небо. Звуки крошатся, отскакивая от плотной завесы. Эхо. <...>

Совсем скоро это проходит...

...Митя лежит возле высокого бордюра ливнёвки, который назвал про себя арыком – в кино про басмачей они как раз такого размера» [4, с. 44]. Композиционная вставка, графически маркированная, связана с основным текстом и по смыслу, и в языковом плане. Можно предположить, что графическое выделение обусловлено резким композиционным переходом в другой временной план, в воспоминания. Создаётся впечатление одновременного существования двух временных планов – настоящего и будущего. Графическое маркирование указывает на другой план.

Подводя итоги, можно отметить, что анализ произведений Г. Садулаева и Д. Гуцко позволяет проследить за языковыми изменениями, происходящими в композиционном пространстве текста. В произведениях этих авторов отмечается широкое использование и взаимодействие приёмов композиционно-графической маркированности, которые приводят к композиционно-графическим сдвигам, например, к модификации прямой речи – к так называемой невыделенной прямой речи. Подобные языковые изменения свидетельствуют о развитии литературного языка, о его динамичности.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковые процессы в современной русской прозе: (на рубеже XX – начала XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
3. Эпштейн М. Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.

Источники

4. Гуцко Д. Русскоговорящий. М.: Вагриус, 2005. 352 с.
5. Садулаев Г. «Я – чеченец». М: «Ультра. Культура», 2006. 288 с.

References

1. Akhmetova G. D. Zhivoi literaturnyi tekst. M.: Vash poligraficheskii partner, 2012. 232 s.
2. Akhmetova G. D. Yazykovye protsessy v sovremennoi russkoi proze: (na rubezhe XX – nachala XXI vv.). Novosibirsk: Nauka, 2008. 168 s.
3. Epshtein M. N. Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 864 s.

Istochniki

4. Gutsko D. Russkogovoryashchii. M.: Vagrius, 2005. 352 s.
5. Sadulaev G. «Ya – chechenets». M: Ul'tra. Kul'tura, 2006. 288 s.